

**СВЯЩЕННИК ВЛАДИМИР ЧУКАВИН:
НАСТОЯТЕЛЬ, ДУХОВНИК, ЧЕЛОВЕК**

3 марта 2020 года на 69-м году жизни отошёл ко Господу протоиерей Владимир Чукавин. 15 лет он был настоятелем Покровского храма села Головково Московской епархии. Назначенный сюда в сентябре 1990 года указом митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, он вошёл в труд местных жителей и взял на себя бремя поднять церковь из руин.

Отец Владимир взялся за дело с несомненным упованием на Бога и твёрдым человеческим намерением вернуть церковному зданию прежнее благолепие, возродить богослужение, открыть людям путь к Таинствам Крещения и Евхаристии. Он сумел создать христианскую общину, построить богодельню, и, по образцу праведного Иоанна Кронштадского, дом трудолюбия для оступившихся в жизни людей. Желая просветить район Светом Христовой Истины, он был частым гостем районной газеты, участвовал в публичных выступлениях в Зеленограде, делился своими мыслями в эфире православных передач.

Его проповеди были просты, эмоциональны и понятны. В них сочетались рационализм инженера, богословское знание, полученное самостоятельным чтением Священного писания, и эмоциональный подъём глубоко верующего человека. Десятки людей поминают его в молитвах как духовного отца, потому как через него пришли к Богу и соединились Церкви.

Он умел организовать дело вокруг себя и донести важность происходящего до других людей. После разговора с ним необходимые суммы на восстановление Покровского храма жертвовали руководитель совхоза, директор завода, управляющий банком.

Став священником по душевному порыву в год 1000-летия Крещения Руси, он пришёл в Церковь «работать Господеву». И делал это со страхом и на совесть, как дело, определившее его дальнейшую жизнь. Он шёл к Богу впереди многих, даже самых близких людей, желая быстрого результата, чем порождал порой непонимание и конфликты. Это было обратной стороной его самоотверженного служения. В памяти знавших его людей он остался христианским подвижником своего времени.

Всему есть начало

Жила в селе Головково праведница Анна Яковлевна Новикова, которая очень переживала, что полуразрушенный храм, служивший амбаром, не действует. А старожилы села помнят, какой доброй славой он пользовался в былые времена. К 80-м годам прошлого века храм зарос порослью, на крыше росли берёзки, алтарная стена была разрушена, стены исписаны.

И вот в ноябре 1989 года собрался в Головкове сельский сход. Решили сельчане восстановить храм. А кто будет восстанавливать? Кто возьмет на себя хлопоты по оформлению документов? На фоне всеобщего молчания подняла руку Анна Яковлевна. В то время ей было 75 лет. Взяла она протокол собрания, с которым должна была ехать в Солнечногорский исполком оформлять документы, и отправилась в деревню Мошницы – к Виктору Сергеевичу Граничникову, о котором знала, что он человек верующий, не откажется помочь в благом деле. И не ошиблась.

В исполкоме документ на открытие храма им дали, но с условием, что они не будут требовать у властей средств и какой-либо другой помощи. А как без денег браться за такое дело? Анна Яковлевна решила на поступок, который издревле безотказно действовал на Руси: собирать милостыню. Пошла по электричкам, по деревням, по храмам, держа в одной руке кружку для денег, а в другой – документ, выданный в исполкоме. Можно только догадываться, сколько оскорблений, насмешек она претерпела, но не отступила. Рядом с ней был и Виктор Сергеевич.

Так собрали двое верных Господу некоторый капитал. Стали на эти деньги лес покупать и рабочих нанимать. К счастью, на благое дело откликнулись и люди, которые имели силу в те времена. Очень помог директор совхоза «Солнечное» Эммануил Яковлевич Шамне. Он и транспорт всегда давал, и деньгами поддерживал.

Одновременно Анна Яковлевна ездила в Московскую епархию, просила направить в храм священника. Наконец, в сентябре 1990 года, приехал батюшка. Это был иерей Владимир Чукавин. 15 лет потом батюшка был настоятелем Покровского храма села Головково.

Жизнь храма возрождается

С приходом отца Владимира в храм возобновилось богослужение. Вместо алтарной стены повесили простыни. Стали понемногу ремонтировать и преображать храм.

К отцу Владимиру пришла местная жительница Анна Сергеевна, певчая, ставшая потом регентом, которую мы ласково называли Аннушкой. Не зная ни одной ноты, она по памяти воспроизводила много песнопений. Некоторые распевы принадлежали Головковскому храму ещё до его закрытия.

Поначалу прихожан было мало. Но бабушка тем, кто приходил на службу, давал разные послушания, благословлял на клирос. Позднее, когда я впервые в своей жизни в возрасте 50 лет пришла в храм, меня бабушка тоже благословил на клирос, где под руководством Аннушки я потихоньку училась петь.

В 1991 году в Головковском храме совершились первые, после многих лет вынужденного перерыва, таинства Крещения и Венчания.

Живи для детей!

Расскажу немного о себе. Воцерковлялись мы всей семьей одновременно: я, дочь, сын и внучка. Позвала однажды меня дочь в институт МИЭТ на лекцию о блаженной Ксении Петербургской. Уже потом я узнала, что отец Владимир находил время окормлять Общество русской культуры «Отечество». Встречи проходили в Зеленограде в институте МИЭТ по средам в 18 часов. Так я оказалась на той лекции. Читал её отец Владимир. После лекции он пригласил всех желающих в свой храм в Головково на воскресную службу. И мы всем семейством поехали туда.

Что удивительно, без всякой подготовки пошла я на первую в своей жизни исповедь. Отец Владимир так расположил мою грешную душу, что я смогла исповедать свои грехи, накопившиеся за 50 лет жизни без Бога. Помню, как на мои планы о новом замужестве бабушка на исповеди мне сказал, как отрезал: «Живи для детей». Так и жила я для детей, теперь – для внуков, их у меня шестеро и правнучке уже 18 лет, и я счастлива.

По благословиению бабушки сын Александр помогал в алтаре и стал алтарником, а дочери Ирине бабушка дал Часослов

на церковно-славянском языке. Она испугалась: «Я же не знаю, как читать». Бабушка улыбнулся, осенил её широким крестом и благословил: «Читай, Господь поможет!» И что удивительно: на следующей службе дочь уже читала почти без ошибок.

Пасхальный куличик

Отец Владимир умел договариваться с разными предприятиями и добывал для прихода и храма все необходимое, в том числе и продукты.

На Рождество Христово и на Пасху резали скотину. Готовили холодец и разные блюда на весь приход. К Пасхе бабушка давал мне необходимые продукты для куличей. Дома два дня я пекла их на весь приход, а дети отвозили в храм. С тех пор вот уже 27 лет я с любовью храню маленький, освященный на первой моей Пасхе, куличик, испеченный в маленькой консервной баночке. Он высох и очень хорошо сохранился.

Примерно в 1998 году, в это время моя внучка училась в лицее в Ложках на парикмахера, я была в контакте с завучем лицея Игорем Александровичем, и от него узнала, что директор хотела бы освятить лицей, а это три этажа. Время тогда было очень тяжелое, учителям подолгу не платили зарплату, так что заплатить за освящение им было нечем. Я поведала об этом отцу Владимиру. Он, не раздумывая, согласился освятить лицей во Славу Божию ради шестисот детей, которые там учились.

Позже я узнала, что в благодарность администрация лицея после освящения устроила чаепитие, и там бабушке с матушкой вручили два комплекта постельного белья, которые сшили сами ученики лицея.

Он соединил нас в вере

Мы, наш молодой приход, с начала восстановления храма стали близкими по духу, любящими друг друга на всю оставшуюся жизнь людьми. И когда, спустя 30 лет, мы встретились в селе Головково в храме Покрова Божией Матери на проводах отца Владимира, счастьем нашему не было конца. Несмотря на то, что последние 15 лет он не служил в Головкове, в будний день пришли попрощаться с ним более 100 человек.

Всех собрал наш дорогой отец Владимир, как будто время остановилось, и мы снова все вместе. Мы делились впечатлениями, и чувства наши совпадали. Было море цветов, а священники торжественно, с волнением, все в белых одеждах, подъезжали и подъезжали. Особенно тронула и порадовала наши сердца речь благочинного, отца Антония, который начал со слов прощения, что вольно или невольно причинил скорбь усопшему и его духовным чадам. Это было сказано искренне и честно.

Отпевание длилось более двух часов. По окончании отцы и все прихожане земными поклонами прощались с батюшкой. Красивый дорогой гроб выносили из храма на своих плечах все отцы, прошли крестным ходом вокруг храма и с многочисленной процессией торжественно донесли до приготовленной могилы напротив алтаря.

Крест – по силам

Все эти годы в храме организованно проводились церковные праздники. Организовывали сбор вещей, продуктов в «горячие точки», каких тогда было немало по стране. Собирали пожертвования на сгоревший деревянный храм в городе Щербинка в честь

преподобномученицы Елизаветы и инокини Варвары. Отец Владимир мечтал даже построить богадельню для приюта одиноких пенсионеров, больных людей, за кем некому ухаживать.

Богадельню он построил, но таких людей не нашлось, зато богадельня стала служить приютом для тех, кто практически жил и трудился для пользы храма постоянно.

Все бы было хорошо, если бы на отца Владимира не писали лживые доносы. Разберутся с одними, через какое-то время приходят другие. Жалобы были и на бездомных трудников. А ведь батюшка, как мог, старался для них. Рядом с храмом был коровник. Он устраивал их туда на работу, чтобы они трудились и хоть что-то зарабатывали. И все же из-за них у отца Владимира были постоянные скорби.

Посылал Господь отцу Владимиру испытания и скорби от самых близких людей. И вот результат: храм опечатали, отстранили его от служб, лишили треб. Хорошо – сан не сняли, он уже был протоиереем. Не даёт Господь не по силам Крест нести, но для батюшки это был сильный удар: с ним произошёл инсульт, как следствие – болезнь Паркинсона, которая с годами прогрессировала. Но и в это время он за всё благодарил Бога.

Наш приход отстаивал отца Владимира не раз, но здесь мы не смогли его отстоять. Лишившись треб, а, значит, и средств к существованию, они с матушкой Ольгой вынуждены были продать квартиру в Москве и купить другую в городе Старица Тверской области. Какое-то время они жили на оставшиеся деньги. Это был последний этап его жизни и служения Богу.

Мытарства в Луковниково

Кое-как устроивши свой быт, отец Владимир обратился в Тверскую епархию с просьбой продолжить служить Богу в храме. Ему предложили стать настоятелем разрушенного до основания храма в селе Луковниково. Он согласился. От Старицы до Луковниково было 40 километров. Батюшка купил в Луковниково старенький недорогой домик, подлатал его, можно жить. А где же служить?

Храма, как такового, не существовало, от него остался лишь полуразрушенный фундамент. Организаторских способностей у батюшки не занимать, он договорился с поселковой администра-

цией, и ему отдали старенький бывший магазинчик, который он переоборудовал в часовню. В ней и начинались службы. Но прихода не получилось. Село хоть и было большое, но составляли его в основном дачники, на часовню смотрели скептически: мол, бывший магазин, где и водку продавали, какая уж тут святость!

Батюшка не сдавался, благодарил Господа за всё. Конечно, нашлись рабы Божии, которые стали ему помогать: кто – в свечной, кто – на клиросе, кто – по поручению батюшки. Но их было мало. Местных прихожан почти не было. Зачастую на службе было от двух до пяти человек. Как-то при встрече я спросила батюшку: «А кто печёт просфоры?» И очень удивилась, когда услышала, что печёт их он сам. После причастия он раздал нам просфоры. А когда я спросила, был ли на Пасху народ, он с горечью ответил: «Да, цыгане были».

Мы с грустью смотрели на батюшку: болезнь Паркинсона уже проявлялась, руки у него немного тряслись, может, скоро он и Чашу не сможет держать.

Слава Богу за всё

В апреле 2019 года Великим постом я с детьми: сыном Сашей и дочерью – матушкой Силуаной, навестили нашего дорогого и любимого отца Владимира. От бывших прихожан и от себя мы привезли ему гостинцы, собрали некоторую сумму денег.

Матушка Ольга встретила нас приветливо, напоила чаем. За чаепитием зашёл разговор о Головке, что это наша общая духовная купель. Лицо батюшки озарилось светлой улыбкой. Он помнил всех и обо всех молился. Как будто бы и не было долгих и трудных, разделяющих нас, лет.

На прощание он нас благословил. Перед нами стоял худенький, с чистыми, ясными глазами, с дрожащими руками старчик, который всегда говорил: «Слава Богу за всё!»

На обратном пути мы сначала ехали молча, каждый в душе переживал увиденное. А затем стали делиться впечатлениями. Они были очень сильными и яркими. После долгих лет мы увидели перед собой кроткого, благодушного, смиренного старца с просветлённым, уже отрешённым от мира взором, от которого веяло миром и покоем. Душа его приближалась к Вечности, к которой он всегда с благоговением готовился.

Проповедник православной веры

С момента моего знакомства с отцом Владимиром Чукавиным прошло тридцать лет. Многие детали встреч, каких-то общих, как теперь называют, проектов, касающихся православного воспитания «широких народных масс» посредством печатного слова – через районную газету, на тот период «Знамя Октября», а позже «Сенеж», уже подзабылись. Но в памяти и в душе осталось главное – знакомство с человеком особенным, неординарным, не терпящим никаких компромиссов, если дело касалось православной веры. Можно сказать, ортодоксом, то есть признающим только прямой путь к Господу, не сворачивая ни вправо, ни влево.

И с такой же верой, переходящей нередко установленные церковные и светские каноны, он пытался изменить окружающую действительность, активно помогать людям, потерявшимся в жизни. Да и не только им. Мне кажется, он многое в жизни понимал на уровне математических выкладок и озарения, не зря же окончил Московский авиационный институт. Так, иногда в разговорах про нашу тогдашнюю жизнь: ожидание близких перемен, всеобщие восторги от новых веяний, демократии, окрыленность личной свободой, он вдруг задумчиво, с какой-то снисходительностью и сожалением, говорил: «Не знаю, когда, но ты обязательно придёшь в храм, только там настоящая свобода. А эту блажь из головы выкинь, гордыня это...»

А ещё его беспокоило, если не сказать огорчало, внутреннее, духовное состояние людей, приходящих в церковь, чтобы молитвой лично подстраховаться от каких-либо неприятностей в жизни, проще говоря, в форме суеверия. Наш вроде как верующий народ великолепно разбирается в свойствах святой воды, прекрасно знает, как и когда молиться для избавления от хворей, ежегодно купается в проруби, но почти никогда не берет в руки Евангелие, не старается вчитываться в него и уж, конечно, не вдумывается.

Такую связь с Богом он называл хладо-тёплой верой и пытался донести до людей истинную суть православия. Думаю, что совсем

не случайно он вёл духовные беседы, скорее напоминавшие диспуты, в Зеленограде, центре советской технической интеллигенции: очень хотелось ему внести в души думающих людей, в своего рода элиту общества, ещё и исконное, духовное начало. И ведь тоже получилось – в Зеленограде его помнят и чтут.

Мы, журналисты, уже по законам своей профессии с готовностью включились в проекты отца Владимира. А как было не включиться?! Он задумал возродить из руин храм в селе Головково, который в былые времена был центром притяжения для прихожан многих уездов Тверской и Московской губерний.

Началось все с восстановления самого здания церкви в Головкове. Батюшка был неутомим в желании стахановскими темпами возродить былое величие храма: поднял общественность, прессу, администрацию совхоза «Солнечное», московские банки на благое дело. И многие откликнулись на этот зов.

Когда он входил в редакцию – крупный, крепкий, в потёртом брезентовом плаще, в кирзовых сапогах, измазанных глиной, ничто не напоминало в нём привычного образа священника сельского прихода. Он был скорее прорабом на стройке. Но это его нисколько не смущало – он жил своим делом и других зажигал высокой идеей. И ведь получалось, свершались порой самые невероятные его задумки! До сих пор не могу понять, как можно было перевезти по автодороге железнодорожный купейный вагон из Москвы до Головкова и установить его в чистом поле! Для чего? Оказалось, под общежитие трудников, рабочих, что потихоньку стали прибиваться со всех концов к церкви.

90-е годы прошлого века не назовешь благополучными. Страна как будто сошла с катушек, «распалась связь времен». В одном из интервью, которое батюшка дал ещё при своем служении в Головковском храме, он с душевной болью рассказывал об этом социальном провале, что случился в стране в 90-е годы: тысячи людей потеряли работу, стронулись с обжитых мест, были выброшены из привычного ритма жизни. Такого количества бездомных, беженцев, в том числе и беспризорных детей, страна не видела многие десятилетия. Как им помочь?

Отец Владимир нашёл нестандартное решение. Как человек образованный, он взял за основу идею Иоанна Кронштадского –

его Дом трудолюбия, основанный в конце XIX века. Именно тогда Иоанн Кронштадтский пришёл к мысли о необходимости оказывать не просто благотворительную, но и трудовую помощь тем, кто беден из-за потери места, от лени, пьянства, отсутствия рабочих мест и недостатка средств, с которыми можно взяться за труд, нередко по причине отсутствия даже простой одежды, обуви, насущного хлеба. Именно таким людям должен был предложить помощь Дом трудолюбия.

Практически те же благие цели были и у отца Владимира, хотя далеко не просто было удержать в одной упряжке разных по судьбам и психическим наклонностям людей, иных даже с криминальным прошлым, без скандалов, драк, воровства... А люди, действительно, были разные. Я помню, с каким вдохновением расписывал стены храма бездомный московский художник – худенький, молчаливый, застенчивый. И другой типаж врезался в память: бригадир «артели» по восстановлению храма, бывший эзк, с явными лидерскими качествами. Батюшка его тоже пригрел, потому что жить бедолаге просто-напросто было негде. Не в тюрьму же возвращаться! Такое это было время. Но храм построен, он живёт, и у кого язык повернется сказать, что надо было делать всё по-другому?

Для меня храм в Головкове и его настоятель дороги ещё и тем, что здесь крестили мою дочь-подростка. Так случилось, что из-за военной жизни на колёсах мы не смогли сделать этого раньше. Ждали своего часа, и он настал. Так что отец Владимир для нашей семьи навсегда останется настоящим духовником.

Всех нас объединяла любовь

В начале весны 1991 года я узнал, что в Покровском храме села Головково начали совершаться богослужения. Храм Покрова я видел раньше. Сотрудников НИИТТ, где я тогда работал, каждую осень посылали в подшефный совхоз «Солнечное» на сезонные полевые работы. Работая в поле, мы могли видеть храм. Он очень красиво выглядел издалека, но вблизи поражал степенью разрушения.

В неделю Крестопоклонную я решил впервые поехать в Головково на богослужение. До этого я ходил в Никольский храм Зеленограда. Приехав, я увидел, что храм очень беден. Иконостас, сколоченный из фанерных листов, состоял из нескольких маленьких икон. Белая занавеска заменяла царские врата. Храм обогревала железная печь «буржуйка». Пол был сколочен из нестроганных досок. Около аналая стоял небольшой хор, который сейчас назвали бы старушечьим. В храме вместе с хором молились около восьми человек. Это сильно контрастировало с Зеленоградским храмом, где «яблоку негде было упасть». Единственная женщина, подошедшая к исповеди, не дождалась выноса чаши. Тогда я впервые увидел отца Владимира. Он служил в стареньком заношенном облачении, но был очень приветливым.

С этого дня в Покровский храм и к этому батюшке мы ездили почти каждый воскресный день и на все церковные праздники больше шести лет. В этом храме крестились моя супруга и старшие дети, и многие близкие мне люди. В Покровском храме я в первый раз встал на клирос. Здесь я начал читать и петь. Отец Владимир был очень терпеливым. Он терпел и наши ошибки, и нашу неофитскую ревность.

Тем же постом я позвал в Головково Володю Соколова, товарища по Никольскому храму, в настоящее время он протоиерей, клирик храма Живоначальной Троицы в Старых Черёмушках. Осенью пришёл Борис Поваров, сейчас он служит протодиакonom в храме Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве. Потом пришли и другие люди. Некоторых приглашал я: «Иди и виждь». Возник приход

Покровской церкви, приход, который навсегда останется в моём сердце, приход с особой атмосферой любви. Наш приход состоял из разных людей. Студенты, выпускники и преподаватели МИЭТа, молодые семьи, простые «бабушки» и «дедушки». Но всех нас объединяла любовь, все чувствовали духовное родство, были роднее родных. Такая атмосфера во многом создавалась благодаря отцу Владимиру, благодаря его доброжелательности, расположению к людям и желанию участвовать в их жизни. Чего стоили одни трапезы после богослужений, на которые приглашались все молящиеся. На трапезах обсуждались вопросы духовной жизни, можно было поделиться впечатлениями о прочитанной книге, задать вопрос. Тепло отмечались праздники и именины.

В конце 1997 года, по рекомендации отца Владимира, благочинный церквей Клинского района отец Борис пригласил меня служить в храм, освященный в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с перспективой стать священником.

▲ Покровский храм, с. Головково. 1996 г.

▼ Воскресенский храм, с. Шипулино. 2014 г.

Матушка Елена Костина

Жертвенный труд священника

В мае 1991 года отец Владимир крестил в одной купели меня и нашего первенца. На следующий день были первая исповедь, причастие Святых Христовых Таин и венчание с моим мужем Дмитрием. Так началось мое воцерковление.

С этого дня жизнь моя стала тесно связана с головковским приходом и с отцом Владимиром. Это были поистине счастливые годы, и за это я благодарю в первую очередь незабвенного отца Владимира. Он всех встречал с радостью, с распростертыми объятиями, всех любил. Он был очень добр к нам, всегда принимал участие в нашей жизни и заботился о нас.

Своим примером он воспитывал в нас жертвенное отношение к Матери Церкви, призывал быть воинами и дерзновенными последователями Христа. В нём чувствовалось трепетное отношение к молодежи и благоговение к зарождающейся в наших душах вере в Бога. Он светился Христовой любовью, согревал нас ею и освещал нашу жизнь.

Он не был строгим отцом с нравочениями и нотациями, а собирал своих детей под крыло, согревая и оберегая их от всяких бед.

Все наши родственники, которые были некрещёными, покрестились у отца Владимира, и впервые исповедовали свои грехи те, кто был крещён в детстве. Для многих это стало отправной точкой в дальнейшей духовной жизни.

Сейчас, по прошествии стольких лет, приходит осознание подвига отца Владимира. Вспоминаются слова Есенина: «Большое видится на расстоянии». Тогда казался естественным его жертвенный труд священника: строительство храма, домов причта, разведение скота, пахотные работы, забота о бездомных и окормление тех, кто только переступил порог храма, катехизаторская работа в Зеленограде и особое, ревностное, отношение к церковным службам.

В селениях праведных да упокоится дорогой наш отец Владимир!

Патриот, любящий Россию

Со священником Владимиром Чукавиным я познакомился в конце 1991 года на его первом выступлении в МИЭТе. Председатель клуба «Отечество» Людмила Яковлевна Рукавишникова пригласила батюшку прочесть лекцию об основах православной веры. Помню, я приехал почти к началу, а двери в клуб оказались закрытыми. Пришлось стучать, чтобы открыли. Для меня это был некий знак, так как до этого, приезжая на разные мероприятия клуба, я, бывало, опаздывал и на 15 минут, но свободно проходил. А тут, как по Евангелию, пришлось стучаться.

Отец Владимир мне понравился, подумалось, что таким и должен быть простой сельский священник в наше непростое время: патриот, любящий Россию.

Кроме студентов в клубе были и почтенные профессора, и люди, совершенно мне незнакомые.

Благодаря этой лекции я тесно сблизился с двумя студентами МИЭТа, которые тогда активно помогали отцу Владимиру в возрождении приходской жизни храма, особенно клиросного и алтарного послушания. Сейчас оба они служат протоиереями.

По инициативе отца Владимира в Покровский храм были привезены самые большие, отлитые после 1917 года, колокола. Сам когда-то привлеченный в храм колокольным звоном, он решил значительную часть собранных средств направить на возрождение этого почти к тому времени утраченного искусства на Руси. Отрадно, что в наше время в Покровском храме развивается это начинание, звонари могут совершенствовать своё мастерство в колокольном центре при храме.

На первой исповеди он мне сказал: «Я – простой священник, с выбором жизненного пути езжай к старцам, а с тонкими богословскими вопросами – к учёным священникам». Он меня благословил заниматься колокольным звоном и учиться у Игоря Коновалова – председателя русских звонарей при Свято-Даниловом монастыре. Он же благословил помогать на клиросе «править службу», следить и направлять последовательность чтений и песнопений

по уставу. Ошибок и искушений тут было немало. Если праздничную или воскресную службу я представлял довольно хорошо, и практически вел их по богослужебным книгам, то со службами Великого поста дело обстояло иначе. Когда в 1993 году мне предстояло вести службу на первой седмице Великого поста, а до этого я даже никогда не бывал и не слышал будничных великопостных песнопений, то я был в затруднении. Помню ночью, накануне чистого понедельника, чуть не случился пожар. Легли спать, а через некоторое время вскакивает отец Владимир, хватает уже тлеющее ватное одеяло и выбрасывает его на снег. Он проделал это моментально, до того, как мы успели что-то сообразить. Думаю,

это определённо характеризует его личность.

На первой седмице тогда отец Владимир служил каждый день, да ещё при этом и сугубо постился. Первый раз вкусил пищу только в пятницу. Правда, потом подобных аскетических опытов он уже не повторял, говорил: «Всё нам позволено, но не всё полезно».

Для меня отец Владимир был первым священником, с которым я совершил начальные шаги в храме. Он научил меня азам православия, поэтому я всегда помню о нём и чту как своего учителя.

Он научил меня основам православия

До прихода в Головково я в храм не ходил, но искал, где можно покреститься. Когда приходил в другие храмы с вопросом о крещении, мне говорили: «Выучи сначала Символ веры, Отче наш ... потом приходи». Я тогда подумал: как будто в пионеры вступаю, должен что-то учить.

В Головкове у нас была дача. Мы видели, что начали восстанавливать храм, и я пришел к отцу Владимиру. А он спрашивает:

– Веруешь во Иисуса Христа?

– Да, верую, – говорю.

– Приходи.

Ни о деньгах, ни о чем-то другом вообще разговора не было. И я пришел с семьей. Мы крестились в одной купели – я, моя жена Лариса и наш сын Миша. Крестной матерью стала Анна Яковлевна Новикова.

Стены у храма частично были сохранены, а пола совсем не было. Тогда уже работала бригада профессиональных строителей под руководством бригадира, которого все называли Семёныч. Батюшка устроил меня на работу в бригаду, и я был очень рад этому, так как время было тяжелое: перестройка. Другой работы у меня тогда не было, и я трудился в бригаде до окончания работ.

В основном я красил как маляр и расписывал. Красили сначала сверху, потом расписывали. Расписывала храм Людмила, а я ей помогал.

Однажды Семёныч, видимо, недопонял батюшку и сделал что-то по-своему. Батюшка сильно расстроился и со свойственной ему энергией помчался по лесам проверять работу. А доски были не закреплены. Я сидел наверху, и видел, как по этим доскам бежит батюшка. В голове промелькнуло: «Всё, конец батюшке!» Но Бог как-то перенёс его, и чудом он не сорвался с 15-метровой высоты. Потом выяснилось, что отец Владимир даже не заметил этой опасности.

Службы начались в главном Покровском храме. Были они долгими: Всенощная начиналась с 8 часов утра, потом Литургия. Заканчивались службы примерно в 13-14 часов.

По окончании службы всегда был обед, и за обедом батюшка беседовал с нами, прихожанами. В таких беседах мы проходили катехизис: все спрашивали, а батюшка отвечал, и это было здорово. Иногда такие беседы затягивались надолго.

Искренний, добрый, простой в общении, отец Владимир всегда работал с другими наравне: и уголь грузил, и дрова пилил.

Иногда приходилось оставаться на ночь в Головке. При мне привезли к храму старый списанный железнодорожный вагон, и в этом вагоне мы ночевали.

Все сочельники, все посты мы соблюдали строго.

Народу в храме во время службы как правило было совсем немного, человека три-четыре.

Петь на клирос меня позвала Анна Сергеевна. Никакого экзамена я не сдавал. Анна Сергеевна записывала по памяти песнопения на альбомных листах, и мы пели по этим записям.

После службы батюшка развозил своих прихожан и Анну Сергеевну по домам на машине.

Зоя Кабыченко, Москва

Он вселил в мою душу веру

Впервые мы с мужем побывали в Головке в 1974 году, когда стали строить дачу в поселке Первомайский Академии наук СССР. Посёлок находится по другую сторону от железной дороги, примерно в двух километрах от храма. На подходе к храму даже издали были видны результаты борьбы советской власти с религией и соответственно плановой политики по разрушению православных храмов. А уж вблизи эти результаты поражали ещё больше: ни окон, ни дверей, полы сняты, на изображениях святых на стенах нецензурные надписи и следы погашенных окурков на их глазницах...

Начало возрождению храма положила глубоко верующая старушка-прихожанка Анна Яковлевна Новикова. Своей активностью она собрала вокруг себя группу неравнодушных людей, которые начали организовывать работы по восстановлению храма. Эта активная работа не осталась без внимания Московской епархии. В сентябре 1990 года по указу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия настоятелем церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Головке был назначен отец Владимир Чукавин.

Увиденное в разрушенном храме и активная работа по его восстановлению способствовали моему воцерковлению. Душа моя всегда тянулась к вере, хотя наше поколение выросло в условиях безбожного государства и нас с детства пытались сделать атеистами. Помню, как впервые я пошла на исповедь к отцу Владимиру. Он не требовал подробно каяться в грехах, он просто вселил в мою душу веру, и я рассказала ему о своём желании петь в церковном хоре. И 10 лет, пока настоятелем храма был отец Владимир, я пела в хоре.

Жил по святым заповедям

При храме был организован приют для бездомных, которые трудились, отвлекаясь от порочных привычек. Отец Владимир снабжал их питанием и предоставлял жилище. Его хорошо знали

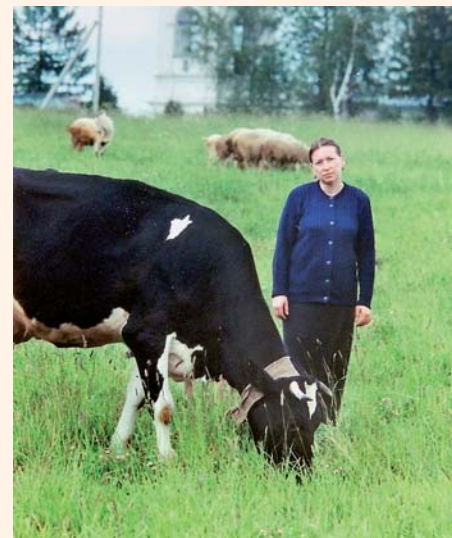
в районе, как чиновники, так и состоятельные люди, часто помогавшие храму финансами и продуктами.

Я, как преподаватель английского языка, четыре года занималась с его сыном Гришей, и поэтому видела отца Владимира в бытовой домашней обстановке. Он прививал домашним уважение к чужому труду, бережное отношение к хлебу. Не допускал, чтобы даже крошки пропадали.

В конце 90-х годов мы с мужем пригласили отца Владимира к себе на дачу, где, наконец, и муж познакомился с ним. Мужа поразила начитанность отца Владимира, его кругозор в области литературы и литературных течений 18-19-го веков. Он был хорошо знаком с творчеством Дмитрия Мережковского и не одобрял толкования последним раскольнических течений в русском православии.

Его труды останутся в нашей памяти

Я с большой горечью восприняла сообщение о смерти отца Владимира. Мы с мужем сохраним светлую память об этом человеке и пастыре Божиим. Уверены, что благодарность нашему батюшке всегда будет жить в сердцах прихожан храма Покрова Пресвятой Богородицы в Головкове.

Человек, которому можно верить

В Покровский храм села Головово я начала ездить в 1993 году. Именно там началось мое воцерковление, там были мои первые настоящие исповеди. А спустя два года я поняла, что нам с мужем надо повенчаться, узаконить перед Господом наши отношения. К тому времени я была замужем уже 20 лет.

Муж мой в то время был далёк от веры и даже ворчал на меня, что я в выходные куда-то уезжаю на целый день. Но ради меня согласился на венчание. Я расспросила у отца Владимира, как нам подготовиться к венчанию. Батюшка сказал, что мы вместе должны приехать на службу, я исповедаюсь и причащусь, а с мужем он сам проведёт беседу.

23 февраля 1996 года мы обвенчались. В самом конце обряда, когда мы стояли у открытых врат алтаря, отец Владимир обратился с проповедью к моему мужу. К сожалению, не могу повторить того, что он говорил. На тот момент я болела бронхитом, и у меня случился сильный приступ кашля, слёзы потекли из глаз. Поэтому я ничего не запомнила. Но на этом приступе мой бронхит чудесным образом и закончился.

Когда мы вышли из храма и сели в машину, мой муж задумчиво сказал: «Вот этому человеку мне хочется верить!»

А потом, уже на Троицу, я долго уговаривала мужа пойти со мной на службу в Зеленоград или в Льялово. Он отказывался, но вдруг сказал: «Поеду только к тому батюшке». И мы поехали в Головово к отцу Владимиру. Так начался путь моего мужа к Богу.

Он стал ездить со мной на службы по праздникам, советовался с батюшкой в сложных вопросах, которые у него возникали в жизни. Отец Владимир освятил нашу квартиру, проводил у нас на дому соборования. Он стал для нас дорогим и близким человеком.

Сейчас мой муж почти каждое утро спешит в Москву, на службу в Елоховский собор. Это стало для него потребностью – бывать в храме, он молится и искренне верит в Бога. А началось всё с отца Владимира. С человека, которому можно верить!

Любовь Павлычева, посёлок Андреевка

Наш духовный наставник

Хочется вспомнить один из периодов моей жизни. Именно в это время, будучи прихожанкой Спасского храма посёлка Андреевка, я одновременно стала прихожанкой храма Покрова Божией Матери села Головково, где служил полюбившийся нам отец Владимир Чукавин.

К тому времени я была уже достаточно воцерковлена, но, к сожалению, не хватало личного контакта с духовником. В Спасском храме тогда служил отец Петр – опытный, но достаточно строгий батюшка, и, откровенно говоря, я его немного побаивалась.

В духовном отношении это было сложное время – литературы для духовного чтения не было вообще, опытных православных людей – ничтожно мало. Это было время духовного поиска. По Божьему промыслу я узнала, что многие мои знакомые из Зеленограда ездят в село Головково, где служит особенный батюшка, с которым легко общаться. В то время личный контакт со священнослужителем был на вес золота.

Всё это оказалось чистой правдой. Батюшка был внимательным и искренне неравнодушным к каждому из нас. Он мог доступным языком объяснить основы православной веры. Его проповеди и беседы были яркими и понятными всем. Мы очень ждали этих проповедей-бесед. Отец Владимир стал для нас настоящим духовным наставником. К нему можно было обратиться с любым вопросом. По его молитвам решались сложные житейские ситуации.

Стала восьмой раз крёстной

Поделюсь одной замечательной историей, связанной с отцом Владимиром, ставшей для меня своеобразным уроком.

Многие из нас, делая первые шаги на пути к Богу, помнят такое состояние, что когда ты узнаешь новое из азов духовной жизни, тебя переполняют эмоции, и хочется кричать на весь мир. Хочется, чтобы тебя услышали, бросили всё и бежали в церковь! Но у каждого – своя тропинка на пути в храм Божий...

По соседству со мной проживала семья. Мы общались чисто

по-соседски. Естественно, я уже не могла скрывать свои православные порывы, и зачастую невольно совместные встречи-беседы переходили в духовное русло. Однажды, во время очередного разговора на духовную тему, выяснилось, что 34-летняя дочь в этой семье не крещена полным чином Православной церкви. Когда-то её тайно крестил дома родной дедушка, который был выходцем из русского старообрядческого рода. Но как жить дальше с сомнением – крещён ты или не крещён?

Я поехали к отцу Владимиру, все ему рассказала. Батюшка принял решение о крещении и назначил дату. Как известно, человеку, крещающемуся во взрослом возрасте, нет нужды искать крёстных, поэтому мои знакомые их не искали. Я поехала вместе с ними, чтобы морально поддержать своих подопечных, тем более, что к тому времени лично у меня было уже семь крестников. Я дала себе слово: как бы ни просили, больше ни к кому крёстной не пойду! Уж слишком велика ответственность перед Господом за каждого крестника.

В тот день отец Владимир крестил двоих – маленького мальчика лет четырех и мою соседку – взрослую 34-летнюю женщину. Наступил момент, когда батюшка произнёс: «Крёстные, вставайте к своим крещаемым!» Женщина-крёстная встала к мальчику – своему новоиспеченному крестнику. Я, как созерцатель, стою

поодаль. Отец Владимир вновь призвал крёстных. Я стою, думаю, что ко мне это не относится. Батюшка конкретно смотрит на меня и уже требовательно говорит: «Крёстные, вставайте к крещаемым!» Я обомлела, но встала. Вот так я в очередной раз стала крёстной матерью. А потом ещё и ещё... Слава Богу за все!

У меня очень доброе и радостное воспоминание о том времени, но с глубокими нотами грусти и боли за нашего батюшку... Очень жаль, что он больше не смог служить в Головке, что мы не сумели помочь ему. Как мы скорбели тогда... А ведь страшно даже представить, какую душевную боль испытывал сам отец Владимир! Царствие Небесное нашему страдальцу, мученику, дорогому батюшке – отцу Владимиру!

От малого истока

Первый раз Покровскую церковь в Головке я увидел летом 1989 года, когда корреспондентом районной газеты приехал по заданию в село. Величественный даже в своём разрушении храм привлёк моё внимание. Он был для меня иллюстрацией уходящего века. Глядя на мёртвое здание, я подумал, что когда-то здесь, наверно, текла интересная и насыщенная жизнь, но она, к сожалению, уже никогда не вернётся...

Прошло три года. Я уже работал в Москве, когда в конце лета мы заехали с женой в свою прежнюю редакцию. И в разговоре с коллегой случайно узнали, что храм в селе действует. К тому времени я крестился. Жена хотела, чтобы мы венчались, и не иначе, как в каком-нибудь знаменитом московском храме. Но под впечатлением от своего несбывшегося прогноза я заявил, что венчаться буду только в Головке.

В первый воскресный день сентября 1992 года мы приехали к отцу Владимиру. Храм за три года изменился. С крыши трапезной части исчезли выросшие там берёзки, купол покрыли железом и воздвигли над ним крест. Внутри здание побелили и поставили простой иконостас. Пол был сделан из свежих грубых досок, в промежутки между которыми всё-таки провалился изящный каблук моей жены. Это было единственным неприятным моментом. Мы стояли посреди церкви, взволнованные и радостные, выполняли указания священника и слушали церковный хор. После службы нас неожиданно пригласили в трапезную, где вместе с певчими и работниками накормили простым и вкусным обедом.

Прошёл ещё год. Иногда, по большим праздникам, мы с женой и маленьким сыном шли в единственную действующую рядом с домом церковь, но едва могли протиснуться внутрь из-за множества народа. С одной стороны это раздражало, но с другой, усиливало желание понять, чего ради столько людей терпят ужасную тесноту внутри.

На Покров 1993 года мы опять приехали в Головково. Был престольный праздник. Людей в церкви собралось много, но не битком, как в Москве. В конце службы все пошли целовать крест.

Некоторые из присутствующих спрашивали, чем ещё нужно помочь храму. По отрывкам фраз я понял, что это директора совхозов и заводов. Я тоже подошел к кресту, сказал, что транспорта и стройматериалов у меня нет, но как журналист и издатель, готов написать брошюру о том, что произошло здесь за три года. Конечно, это был журналистский приём – погружение в ситуацию. Но, не войдя в жизнь общины, я не знал, как найти ответ на свой вопрос. Отец Владимир согласился, затем попросил не уходить и вынес из алтаря большую старинную книгу.

– Это Служебное Евангелие, – пояснил он. – В нем страниц сорок утрачено. Сможешь восстановить, издатель?

Задача показалась мне несложной. Такого шрифта в нашей коллекции не было, но я думал воспользоваться похожей на него Ижицей. Однако первое впечатление оказалось обманчивым. Не все буквы в Ижице в точности походили на шрифт Евангелия, да и самих букв в церковно-славянском языке оказалось больше, чем в современном русском. Наткнувшись на новый символ, я сканировал его, переводил в векторную форму и в специальной программе помешал в файл шрифта, не зная, сколько их будет ещё. Скоро я понял, что мне не хватает знаний. Очень кстати в библиотеке отца Владимира нашелся букварь церковно-славянского языка.

Когда все недостающие буквы были сделаны, я столкнулся с другой проблемой. Буквы Евангелия имели надстрочные знаки, как в греческом алфавите: ударения, придыхания. А помимо них ещё и титла, указывающие на слова, определяющие священные понятия. Около 20 знаков в комбинации с 10 гласными буквами создавали такое множество символов, что их просто негде было расположить на обычной клавиатуре. Я посмотрел, как подошли к проблеме греки. Они создали дополнительные символы для каждой гласной буквы с надстрочным знаком, и вышли, естественно, за число клавиш на клавиатуре. Для каждой такой буквы требовалось набрать специальный трехзначный код. Это делало набор текста крайне трудоёмким. Я пошёл было по их пути, но скоро понял, что титла мне девать просто некуда.

Обещание, данное священнику в церкви, грозило остаться невыполненным. Я всё дольше задерживался по вечерам в ре-

дакции «Московской правды», изучая возможности программы, в которой делал шрифт. Каждая буква в нём располагалась в пространстве между двумя границами, отделяющими её от соседней. И когда работа зашла в тупик, мне вдруг пришла мысль эти границы нарушить. Я перенёс знак ударения за левую границу, сократил пространство символа почти до нуля, и попытался сохранить это изменение. Программа отнеслась к моему волюнтаризму терпимо. Я загрузил в систему новую версию шрифта, набрал букву «а», стукнул по клавише, на которую поместил ударение, и оно повисло точно над буквой. В церковно-славянском языке нет привычных для нас арабских цифр. Постоянно встречающиеся надстрочные знаки заняли позиции от 0 до 9, редкие получили свои коды, и набор текста превратился в некий конструктор из букв и цифр, который можно было вводить с клавиатуры почти с той же скоростью, что и обычный текст.

Одновременно я знакомился с жизнью прихода. По воскресеньям, к восьми утра, приезжал в Головково. После службы и трапезы в церковной избушке задавал вопросы настоятелю, делая наброски будущего текста. Здесь мы встретили с женою Рождество и окунулись на Крещение в местную Истру-Иордань. Мне было благословлено ходить везде и смотреть всё. Так я начал звонить на колоколах и петь на клиросе. У регента Анны Журавлевой было правило испытывать молодых прихожан. Певец из меня был ещё тот, но Анна Сергеевна не смутилась моим признанием. «Если Бог благословит, каждый сможет петь», – ответила мне она.

Петь меня Бог не благословил. Возможно потому, что мой интерес быстро переключился на книги, которыми пользовались певчие. Я знал уже, что отец Владимир до рукоположения в священники, был страстным букинистом. Его интерес заключался в собирании богослужебных книг, которые он разыскивал и покупал в московских магазинах. Поэтому в Головкове, помимо Зеленых Миней Издательского совета Московской патриархии, можно было встретить Миней Синодальных типографий конца 19-го века и многое другое.

Пока клиросом руководила Анна, служба шла чинно. Она вела её по тетрадкам, в которые за три десятка лет пения в храме Успения Божией Матери в Обухово собрала известные там напевы.

Она ставила тетрадку перед певчими в один момент службы, в другой – открывала Минею. Но алгоритм, по которому она это делала, знала лишь она одна. Стоило заболеть ей, её многочисленным внукам или домашней скотине, оставшись одни, молодые певчие путались в службе. Отец Владимир появлялся в такой момент из алтаря, показывал им, что надо петь и уходил обратно.

Как-то, после очередной службы без регента, батюшка подошел на клирос и спросил у меня: «А можно из всего нашего материала подготовить такую книжку, чтобы поставил её – и пой?» Необходимость печатного последования неизменяемой части службы была ему очевидна. У священника был Служебник, у псаломщика Часослов, а тем, кто пел на клиросе, за неимением книги, службу приходилось держать в голове. Хорошо, что у Анны был большой «стаж». Прежде, когда и что петь на клиросе, показывал уставщик, но в начале 90-х годов человек, твердо знающий Устав церковной службы, был невероятной редкостью. Певчим приходилось учиться на ходу.

Так я получил от отца Владимира второе задание. Мы начали с Всенощного бдения.

В последовании службы я разбирался слабо, но опыт оформления книг у меня был. И я оформил текст, исходя из его назначения: для певчих крупно, для священника мельче. Теперь на клиросе без напряжения следили за тем, что произносит священник в алтаре и вступали в службу в нужный момент.

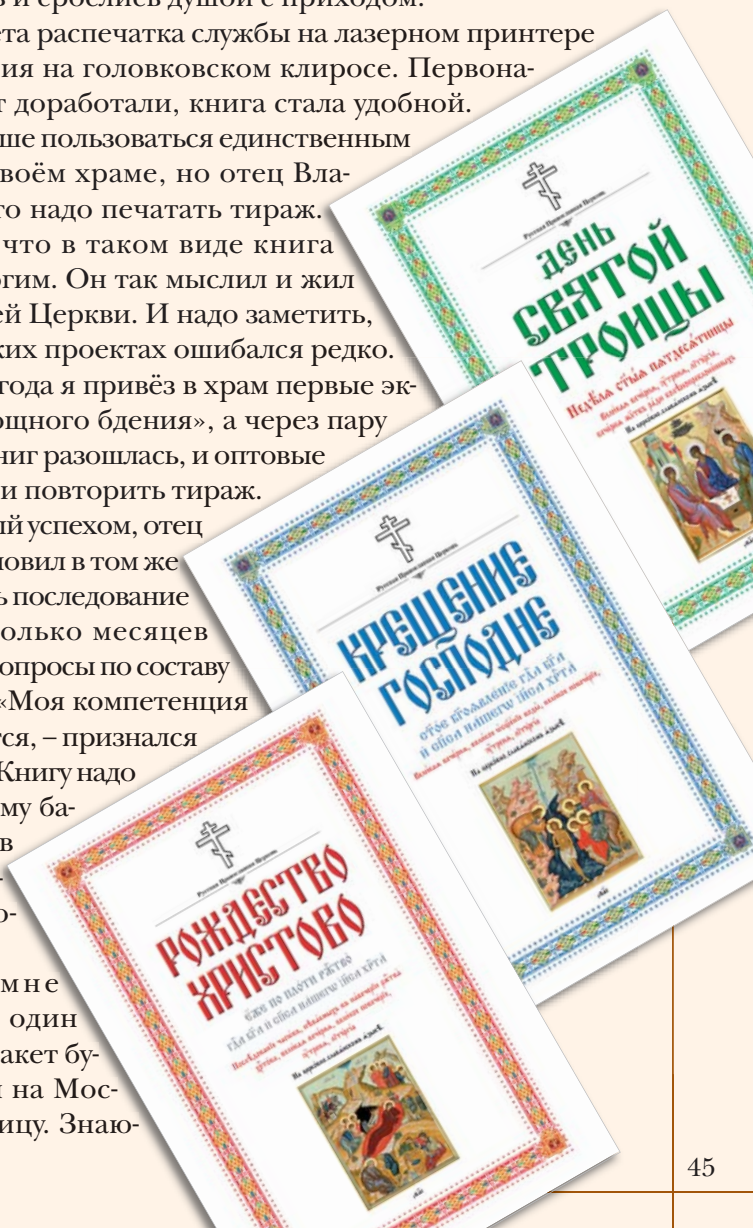
Приближалась Пасха. Я закончил брошюру о приходе и в Великую Субботу привез тираж в храм. Здесь, на ночной службе, мы первый раз с женой встретили воскресшего Христа, и пережили радость, которой не

знали раньше. Обещание своё настоятелю я выполнил и встал вопрос: будем ли мы ходить в храм дальше. Я поделился своими мыслями с женой. «А куда мы отсюда пойдём? – ответила она. – Здесь глаголы жизни вечной». Незаметно для себя, за полгода мы вошли в Церковь и срослись душой с приходом.

К середине лета распечатка службы на лазерном принтере прошла испытания на головковском клиросе. Первоначальный вариант доработали, книга стала удобной. Мы думали и дальше пользоваться единственным экземпляром в своём храме, но отец Владимир заявил, что надо печатать тираж. Он был уверен, что в таком виде книга понадобится многим. Он так мыслил и жил – в масштабах всей Церкви. И надо заметить, что в коммерческих проектах ошибался редко. На Покров 94-го года я привёз в храм первые экземпляры «Всенощного бдения», а через пару месяцев тысяча книг разошлась, и оптовые магазины просили повторить тираж.

Вдохновленный успехом, отец Владимир благословил в том же стиле подготовить последование Литургии. Несколько месяцев ушло на работу, а вопросы по составу текста остались. «Моя компетенция здесь заканчивается, – признался отец Владимир. – Книгу надо показать знающему батюшке. Служил в Зеленограде такой, но его в Москву перевели».

Он сказал мне адрес храма, и в один из дней я повез макет будущей брошюры на Мосфильмовскую улицу. Знаю-

щим батюшкой оказался священник Сергей Правдолюбов, магистр богословия. Недели через две он вернул мне макет издания с некоторыми замечаниями на полях, и неожиданно предложил утвердить макет в Церковно-практической комиссии Московской Духовной Академии. Я немного растерялся, так как не предполагал представлять книгу, сделанную в деревне, на заседание Академии. Отец Сергей заверил, что он, как член этой комиссии, сделает всё сам. И вскоре я получил рекомендацию к печати за подписью председателя комиссии архимандрита Матфея Мормыля.

Возвращая мне макет, отец Сергей обратил внимание на наш церковно-славянский шрифт. Не зная, где ещё применить свою разработку, я использовал её в оформлении обложки. Отец Сергей попросил шрифт для набора древней рукописи. Для этого проекта шрифт пришлось доработать ещё, и с подачи о. Сергия он получил своё окончательное название – «Киприан».

Вторым человеком, кто обратил внимание на шрифт, был ризничий Покровского храма Московской Духовной Академии архимандрит Илларион, когда мы привезли ему часть готового тиража Литургии. Он предложил набрать им Акафист Покрову Божией матери, который ежедневно читали в академическом храме, и напечатать тираж.

Шрифт справился и с этой задачей. Увидев, что церковно-славянский набор востребован, мы стали печатать службы одну за другой: Великий покаянный канон Андрея Критского, Рождество Христово, Крещение Господне, Последование Пасхи. После выхода этих книг на шрифт обратили внимание в Издательстве Московской Патриархии. Руководитель отдела богослужебных книг Людмила Медведева нашла его наиболее совершенным из всех церковно-славянских шрифтов того времени. По просьбе издательства мы передали им нашу разработку.

Большая река начинается с малого истока. Так получилось и с двумя начинаниями священника Владимира Чукавина. Из желания восстановить Служебное Евангелие родился компьютерный шрифт, которым в начале века был набран весь корпус богослужебных книг Русской Православной Церкви. А из «Аннушкиных тетрадей» Церковь получила два последования, которые используются теперь повсеместно в ежедневном богослужении.

Благовест 125 пудов. Колокола о. Владимир привез из Нижнего Тагила.

Сила благословения

С отцом Владимиром я познакомилась на собственном венчании. А точнее, за несколько минут до него. Венчаться со своим мужем Георгием я мечтала не меньше, как в Елоховском кафедральном соборе Москвы. Но за месяц до этого события мы заехали в редакцию Солнечногорской районной газеты, в которой прежде работали. И в разговоре с коллегой я обмолвилась о нашем намерении. Стоило мне затронуть эту тему, как она стала рассказывать нам о Головковской церкви и об отце Владимире, который регулярно приносил в газету материалы о православной вере. И в завершение рассказа предложила договориться с ним о нашем венчании. Я была в ужасе от такой перспективы. Но муж с неожиданной радостью ухватился за это предложение. Так как таинство для меня было важнее места, я поневоле смирилась.

И вот наступил день 6 сентября 1992 года, воскресенье. Батюшка передал через нашу коллегу, что если мы хотим исповедаться, то надо приехать пораньше. Что значит это «пораньше», мы не знали. И приехали, оставив нашего годовалого сына с бабушкой, за час до венчания. Пришли, а двери храма закрыты. Мы решили, что отец Владимир о нас попросту забыл. Но через час должны были подъехать наши гости. Мы сели на бревна возле храма и стали их ждать. Через полчаса мы увидели человека, идущего со стороны колокольни. По одежде я поняла, что это священник: он был в черном подряснике и черной скуфейке на голове. Роста выше среднего, плотного телосложения, круглолицый, его длинные волосы были собраны сзади в хвост, а черная борода падала на грудь.

Он тоже заметил празднично одетую молодую пару, сидящую на брёвнах. Подошёл, поздоровался и спросил, чего мы ждем. Узнав, что мы приехали венчаться, пригласил войти в храм. Это был совсем не Елоховский собор. Вдоль стен храма стояли леса, пол был покрыт нестругаными досками разной ширины, а иконостас смотрелся невыразительно: ни позолоты, ни старинных икон. Отец Владимир предложил нам выбрать в лавке венчальные иконы. Но выбор был невелик, и все иконы оказались малень-

кими. Видя, что я сильно огорчилась, приветливая старушка из лавки засуетилась, поискала в шкафах, и нашла две красивые иконы большего размера.

Несмотря на бедность обстановки, атмосфера в храме была тёплой. И отец Владимир, и Анна Яковлевна (та самая приветливая старушка из лавки) радовались нашему венчанию так, словно мы были их ближайшими родственниками. Особенно меня поразило, когда после венчания Анна Яковлевна побежала к своему дому, до которого было не близко, нарвала в цветнике гладиолусов и подарила мне букет. Мы венчались через пять лет после регистрации брака, и как-то не подумали о цветах. А ей было больше 75 лет.

После венчания отец Владимир пригласил нас в церковный дом на трапезу. До этого я считала, что в церковь ходят лишь древние старушки да всякие странные люди. И была удивлена, увидев на трапезе группу образованной, интересной молодежи.

Это была первая в моей жизни трапеза, которую я вкушала после молитвы. В большой прямоугольной комнате с русской печью стоял длинный деревянный стол, накрытый светлой клеёнкой. По бокам располагались скамьи. Отец Владимир сел во главе стола под иконами. Слева от него сидели его матушка Ольга и дочь Оля. А справа он посадил нас с мужем и годовалым сыном. Следом расселись певчие, работники и наши гости. Свободных

мест не осталось. Всё, что нам подавали, было невероятно вкусным. Запомнилось, что батюшка принял нас как дорогих гостей: посадил на почетное место, накормил обедом, сказал тёплые слова и поздравил с важным событием в жизни.

После венчания мы пытались ходить на праздничные службы в московские храмы, но там было слишком многолюдно. Мы начали читать православную литературу, у нас появились вопросы к священнику, но задать их не получалось. Батюшек всегда окружала толпа прихожан.

На годовщину нашего венчания муж предложил мне поехать в Головково. Нас встретил всё тот же необустроенный храм. На службе было совсем мало людей. Хор пел из рук вон плохо. Зато батюшка был прост, приветлив и доступен для разговора. Помню, он объявил после Литургии, что приближается престольный праздник – Покров Пресвятой Богородицы – и пригласил всех на богослужение в этот день.

Мы приехали на Престол и ощутили вдруг такую радость. Простояли службу, обошли с крестным ходом вокруг храма, вслушиваясь в слова праздничных песнопений. После службы люди подходили к отцу Владимиру и предлагали ему свою помощь. Муж тоже подошёл и предложил то, что хорошо умел – сделать книжку про Головковский храм.

Мне было удивительно, что отец Владимир ухватился за это предложение. Мы стали ездить в Головково каждое воскресенье, чтобы познакомиться с жизнью прихода и людьми. Здесь я, наконец, смогла задать накопившиеся у меня вопросы и получить на них ответы.

На одной из первых исповедей батюшка неожиданно сказал мне:

– Благословляю вас с мужем на пять детей!

А у нас тогда был единственный ребенок. Я оторопела.

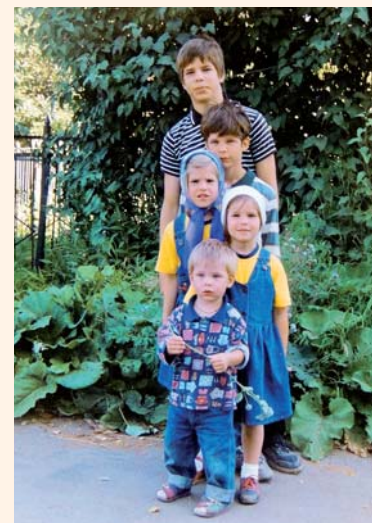
– Батюшка! – воскликнула я. – Да вы что?!

А он уверенно добавил:

– Других бы не благословил, а вас благословляю!

Не знаю, почему он назвал именно такое число – пять, а не семь, например. Но именно столько детей мы и смогли родить. И это благословение отца Владимира определило всю мою дальнейшую жизнь.

Воскресные богослужения в Головкове длились по 5-6 часов. Не надеясь собрать на Всенощную народ, батюшка служил её с утра в воскре-

сенье, потом она переходила в Литургию, плюс он прерывался на исповедь. Начинались службы в восемь утра, а заканчивались к 13-14 часам. Но мы тогда считали, что именно так и надо проводить воскресенья. В соответствии с заповедью Божией – день седьмой отдай Господу Богу своему.

По железной дороге мы доезжали до платформы Головково. От неё бетонная дорожка вела через поле, потом надо было спуститься в ложбинку к речке, перейти мосток, а дальше подняться в гору, где взгляду любого, преодолевшего этот путь, открывалась красивая белокаменная церковь с колоннами и высокой колокольней.

Летом, в хорошую погоду, было приятно пройти полтора километра от платформы до храма. А зимой, в мороз, закутаешь ребенка в пуховый платок, сама потеплее оденешься, и идешь вслед за мужем. А ветер дует злой, колючий, бросает в лицо пригоршни снега, замечает тропинку. Один раз, в сильный мороз, прошли мы поле, спустились к реке, надо в гору идти, а метель дорогу замела. А я так замерзла и ооченела, что еле иду. Стала я через сугроб перелезать и упала. Упала, и встать не могу. А муж с сынишкой уже вперед ушли. Я даже заплакала от бессилия. Посмотрела на храм и взмолилась: «Пресвятая Богородица, помоги!» И вдруг в одно мгновение тепло прошло через все моё тело и руки стали горячими, и сил прибавилось. Поднялась я на ноги и пошла к храму, преодолевая сугробы и благодаря Бога и Его Пречистую Матерь за помощь.

Вскоре, тоже на исповеди, батюшка благословил меня петь на клиросе. Это было время невероятной полноты жизни. Помню, как мы строго постились, как в Рождественский сочельник ничего не вкушали до первой звезды на небе, как на Крещение в полночь шли на Иордань и окунались в воды Истры, как по мере сил старались украсить церковные службы своим пением, как вместе садились за праздничный стол.

Прошло немного времени, и я стала беспокоиться о своих ближайших родственниках. Мне хотелось, чтобы их имена поминали на Литургии. Тут возникло осложнение: моя мама не знала, крещёная ли она. Её родители уже умерли, и спросить было не у кого. Я обратилась с этим вопросом к отцу Владимиру. Он ответил, что надо обязательно крестить с формулировкой «аще не крещена». И вскоре он крестил мою маму, и я смогла молиться о ней за Литургией.

Когда я встала на клирос, нами руководила Анна Сергеевна Журавлева. Аннушка, как мы ласково называли её за светлый характер. У неё не было музыкального образования, но она много лет пела в Обуховском храме и хорошо знала строй службы. Но она была многодетной матерью, хозяйкой большого дома и жила не в Головкове, поэтому не всегда могла прийти на службу. И если она вдруг не приходила, то мы не знали, что и когда петь. Порой из алтаря не было слышно возгласов батюшки, и тогда мы совсем терялись.

У отца Владимира была брошюрка, в которой мелким кеглем были напечатаны последования Всенощного бдения и Литургии. Но пользоваться ею мог только один человек, да и то, вооружившись лупой. Видя наши постоянные затруднения, отец Владимир обратился к моему мужу Георгию, который тогда руководил компьютерной службой газеты «Московская правда», чтобы он сделал книгу, удобную для клироса. И он сверстал её для нашего храма и распечатал в двух или трех экземплярах. Теперь весь ход службы был у нас перед глазами. А то, что следовало петь, он выделил крупным шрифтом. Это был прорыв!

Отец Владимир остался доволен работой мужа и сказал:

– А теперь благословляю тебя печатать тираж!

Смотрю, муж ему в ответ головой кивает.

«Да они с ума сошли! – думаю. – Недавно 1000-летие Крещения Руси отметили. За это время столько церковной литературы напечатали!»

А батюшка с мужем уже детали обсуждают.

«Ну, ладно, – думаю, – отец Владимир, что с него взять? Он не в теме. Но муж мой, вроде, здравомыслящий человек, почему он ему не возражает? Не объясняет, что никому, кроме нашей деревни, это не нужно?!».

Но дело у них пошло. А вразумление, кому это нужно, я получила через три года, 28 июля, в день именин отца Владимира. Муж уехал в Головково поздравить настоятеля, а я осталась дома. Несколько дней назад у нас родился третий ребенок. В середине дня на домашний телефон позвонил мужчина, представился священником Михаилом Рязанцевым и попросил привезти в Храм Христа Спасителя по 50 экземпляров всех богослужебных книг, которые мы напечатали.

Это интервью было дано о. Владимиром газете «Светоч» в далёком уже 2003 году. В ответах на вопросы корреспондента отчетливо проступают характер священника, его вера и убеждения.

Исповедь на трудную тему

Да будет воля твоя...

С настоятелем храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Головково отцом Владимиром Чукавиным мы знакомы уже 12 лет, с первых дней его службы в этом храме. Собственно, храма тогда, в начале 90-х, ещё не было. Были величественные развалины, указывающие на то, что здесь когда-то стоял прекрасный храм. Да и документы подтверждали это: приход был многолюдным, приехать в Головково на Крещение или Рождество считалось престижным, как побывать в столице.

В самом начале восстановления храма наша газета всем сердцем откликнулась на призыв сельской общины помочь в восстановлении церкви. Мы стали её информационным спонсором в самые трудные годы. Сотрудник редакции Юрий Иванов, в крещении Георгий, сделал особенно много. Прекрасный программист, журналист, дизайнер, он сегодня издает православную литературу, которой пользуются во многих воскресных школах и храмах области. В основу первых его работ легли материалы служб в храме Покрова Пресвятой Богородицы.

За эти годы наша дружба с настоятелем храма отцом Владимиром не прекращалась. Он часто бывал у нас и даже освятил помещение редакции. Человек прямой, имеющий своё суждение о сути происходящего, он не всегда вписывался в общепринятые рамки. Но тем и дороже дружба с таким человеком. Поэтому наше интервью накануне Праздника праздников – Пасхи – было тоже не простым. Но честным – с обеих сторон.

– Отец Владимир, с первых дней нашего знакомства я поняла, что вы очень твердый и последовательный в своих принципах человек. В хорошем смысле – ортодокс.

– Проклят всякий, творящий дело Божие с небрежением. Я так думаю, что угождение Богу, исполнение всех его заповедей должно быть главным в жизни. Если бы все жили по-божески, так и страну нашу, святую Русь, не развалили. Терпения и смирения нет в людях.

– Да, в 50-м псалме Давида так и сказано: **«Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит...»**

– Вот-вот: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей...»

– Я давно не была в Покровской церкви, а тут на днях без вас побывала, Саша, ваш помощник, открыл. Как же всё изменилось, какая благодать: светло, чисто, какие иконы!

– Да, он следит за храмом, так и живёт при нём.

– А кто же иконы пишет? И куда такие большие, почти три метра в высоту, могут пойти?

– Это алтарные иконы, запрестольные. Саша с Андреем, иконописцем, стараются. Но делают все с образцов, не сами выдумывают.

– Как вы эти трудные годы жили, как храм поднимали?

– С Божьей помощью.

– Что, люди не сильно помогали?

– Люди? Люди тоже орудие промысла Божьего. Когда Господь касается сердец, оно, сердце, и располагается помогать. Нужно только помочь человеку сердце открыть. Ходишь, беседуешь, безбожников – то сейчас уж почти не осталось. Только один больше верует, другой меньше. Поэтому надо войти в положение человека, а не сразу к нему подступать: «Дай на храм Божий!» Когда человек сам захочет помочь в благом деле, тогда только польза и бывает. Слава Богу, есть люди, которые помогают храму уже многие годы.

– Может быть, нам стоит назвать их имена, поблагодарить?

– Они сами знают, какое богоугодное дело делают во славу Господа и для спасения своей души.

– Много ли людей посещают сейчас храм?

– Трудно сказать. Летом побольше за счёт дачников, зимой поменьше. С мая по октябрь церковь оживает. В остальное время всё больше приезжих – из Зеленограда, Покровки, из совхоза приез-

жают. Добраться до нас тяжело: электрички всё время отменяют, автобусов нет, едут только на своем транспорте. В основном у меня приход крюковский, певцы, чтецы – все крюковские. Только регент Ольга Петровна из «Солнечного». Почему крюковские? Я постоянно выступаю в Доме культуры МИЭТа в Зеленограде с пастырскими беседами. Человек двести приходит. Бывает, и весь зал полон, а это почти шестьсот мест.

– Храм в Головке сейчас очень красивый. Может быть, потому, что видела его совсем в руинах, а сейчас это великолепное строение. Обустроенное, изящное.

– Да, Саша много потрудился. Только не очень его хвали. Он такой скромный, потом будет переживать – боится беса тщеславия.

– Немногие этого беса боятся. А ведь гордыня – тяжкий грех. Спотыкаешься на нём и падаешь, ох, как больно. А много ли на исповедь людей приходит?

– Кто прикипел к церкви, тот и ходит. Но много старого населения умирает. Умер верующий человек, а на его место скоро ли придет новый верующий? Ох, не скоро. Тяжело воцерковляется народ. Село не город, основного населения – 30 жителей, из них только четверть приходят в храм: остальные – кто водку пьёт, кто дома сидит, даже в большой праздник к церкви не подойдёт – старые коммунистические убеждения не пускают.

– Мне кажется, нормальные люди потихоньку к вере приходят, без всякого понукания. Ну, а есть просто озлобившиеся на всё: на власть, на Бога, на людей, на всю нашу жизнь.

– Да, много ещё в людях злобы, порой диву даешься, как же в такой злобе живут? Я уж на сходы не хожу – сельской власти так достаётся, никого не жалеют. Где уж тут в церковь звать! Да на меня самого жалуются: гуси приходские, видишь ли, мешают.

– Батюшка, когда-то мы много говорили с вами об отношениях в семье. Тогда я была не во всём согласна с вами – уж больно вы жестко строили семейную иерархию. За эти десять лет много воды утекло, и сегодня я во многом соглашусь с вами. По молодости часто досажуешь, что семейные и родительские обязанности не дают от земли оторваться. Как-то не думаешь, что все мы под Богом ходим. Это большое заблуждение, с го-

дами оно проходит. Во всяком случае, мне очень помогли ваши наставления.

– Муж и жена – единое тело, делить его – больно обоим. А каково детям? Ну, а когда на душе смутно, надо покаяться, прийти к причастию, получить благословение.

– По сути, многим бы сегодня прийти в церковь на покаяние, такая смута в сердцах у людей.

– Вся Россия больна, сошла с ума оттого, что нас активно с ума сводят пропагандой, особенно телевизионной. Это страшное орудие геноцида.

– А как же без «ящичка» жить? Там – все новости. Кто кого убил, у кого сколько в кармане водится. Вся жизнь наша за стеклом...

– Главное – там откровенный обман, ты уж прости, что о журналистах так думаю. Без всяких укоров совести творят свои программы. Ты думаешь, сумеешь отличить правду от лжи? Никогда! Пока ты будешь разбираться, что к чему – получишь свой 25-й кадр, а он ещё не самый плохой. Идёт сплошная кодировка на более высоких уровнях, уж поверь мне. Страшнее телевизора из-за его технических возможностей для человека сейчас вряд ли что есть. А подумать, так ничто не сравнится с человеческим общением – уста в уста.

– Ну, а православные программы, к примеру, «Русский дом»?

– Там тоже всё искажено: льются слова по поводу православия, но самого православия нет.

– И что же вы советуете своим прихожанам, если они обращаются к вам со своими проблемами?

– Много проблем с пьянством. Жёны жалуются на мужей. Что тут скажешь? Есть милость Божия, Царица Небесная, икона «Неупиваемая чаша». Надо ей молиться, акафисты читать, покаяться нужно. Никакой кодировки, «торпед» – всё это только временное облегчение, ненадежное, потом только хуже бывает. Я бы сказал – идёт забесовление, вместо беса алкогольного в человека вселяется бес богохульный. Тяжёлая для России тема. А всё ещё и потому, что супруги совершенно не хотят терпеть друг друга. Ни в чём друг другу не уступают, слово за слово – вот и скандал, то-то

радость бесу. А жене бы надо потерпеть да поумнее быть – сначала накормить мужа, утешить, а уж потом требовать своё.

– Ну, вот, вернулись на исходную позицию десятилетней давности – терпеть или не терпеть мужской произвол. Так, что ли?

– Куда ж от жизни уйдешь! Да и как посмотреть – произвол это или законное право на внимание. Раньше девочек учили вести дом, приучали к роли хранительницы покоя и мира в семье. Целая наука была – «Домострой», годами воспитывалось умение ладить отношения и вести дом. Сейчас того нет, вот и мучаемся все – и мужчины, и женщины: замуж хотят, а жить в браке – не знают как.

– Батюшка, наши взгляды на жизнь ввиду нашего возраста, естественно, во многом совпадают. Оставим молодежи право учиться не на своих ошибках, пусть уж лучше на наших учатся. Спасибо, что, как прежде, укрепили мою веру, расставили все точки в житейских проблемах. Последний вопрос: какие ещё заботы вас волнуют? На что ещё нужны средства для церкви?

– Слава Богу, наше хозяйство помаленьку даёт доход на обустройство церкви. Но вот уже настала пора делать текущий ремонт: по второму разу купол покрасить, стены побелить, 12 лет прошло, как начинали с Божией помощью строиться.

– Вы останетесь в Головке насовсем?

– Как угодно будет Царице Небесной. Да будет воля твоя, а не моя – мало ли что я хочу, а как Бог велит. Без промысла Божьего ни один волос не упадёт с головы...

– Так-то оно так, но как трудно себя перестраивать.

– А ты учись помаленьку. Труден первый шаг.

– Стараюсь...

Тамара ЛЯХ

Воскресенье в сельском храме
(Основано на реальных событиях)

Настоятель сельского храма отец Владимир трижды знаменовал кадилом крест и возгласил:

«Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице...»

Трое певчих на клиросе, двое молодых мужчин и женщина, плотней придвинулись друг к другу и, дождавшись конца возгласа, уверенно ответили: «А-минь».

«Приидите, поклонимся...» – продолжил священник.

– Дальше-то чего? – растерянно спросила певчая Лена и с надеждой посмотрела на мужчин.

– Псалом, предназначительный, – уверенно ответил певчий Валера.

– А где он? – взволнованно произнесла она.

– Аннушка куда-то сюда положила, – показал он на стопку тетрадей, лежащих на нижней полке невысокого стеллажа. – Да она сейчас придёт..

Он повернул голову к дверям храма. Двое других посмотрели туда же, ожидая появления регента. Но двери оставались затворёнными.

– Самим надо искать, – вывела клирос из созерцания певчая, и стала торопливо перебирать тетради.

Из алтаря донёсся последний перед псалмом возглас.

– Ну? – требовательно прошептал Валера, обращаясь вниз.

– Не нашла ещё.

«Благослови, душе моя, Господа...» – послышалась подсказка из алтаря.

– Ищем, батюшка, – отозвался Валера и сквозь зубы процедил.

– Ну, где же эта Аннушка?

– Корова у неё заболела, – подсказал подошедший к клиросу певчий Алексей. – Простите, братия, опоздал. Она ещё на прошлой службе сокрушалась.

– Вот, – радостно прошептала Лена и поставила на аналой пожелтевший лист бумаги.

«Благо-сло-ви, ду-ше моя, Го-о-о-о-о-о-о-о-о-спо-да», – затянули певчие, озвучивая написанный от руки текст. Валера тыкал пальцем в каждую гласную, выведенную Аннушкой столько раз, сколько она повторялась в напеве. Не имея музыкального образования, Анна пользовалась собственной буквенной нотацией.

«Миром Господу помолимся!» – призвал всех священник.

– Господи, помилуй, спели, – выдохнул Валера.

Спохватившись, он сделал серьезное лицо и волнообразно помаhal в воздухе рукой. Певчие посмотрели на него с недоумением.

– Гос-по-ди, по-ми-и-и-и-и-луй, – шепотом пропел он, подсказывая им распев. – Начали.

Певчие набрали в легкие воздух и повторили.

– Хорошо, – похвалил их Валера. – Дальше отвечаем так же.

«О благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных и временех мирных...» – ектенья перевалила за половину.

– Мужа ищи, – прошептал он певчей. – Пора уже.

– Какого мужа? – не поняла та и посмотрела в сторону стоящего рядом венчанного супруга.

– Который не идёт на совет нечестивых, – пояснил Валера.

Певчая присела и вновь стала перебирать тетрадки на нижней полке.

«О плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих...» – продолжал молиться священник.

– Нашла?

– Нет его нигде.

– Выше посмотри, среди Миней, – подсказал он и взмахнул рукой.

«Господи, помилуй», – низко пропел оставшийся без первого голоса хор.

– Ну, что там? – требовательно спросил Валера, чувствуя, как исходит время.

– Вот он! – обрадовано прошептала певчая и поднялась с альбомом для рисования в руках.

«Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение...» – возгласил священник.

– Да здесь ещё «Господи, воззвах», «Свете Тихий» и «Сподоби, Господи», – пролистала она свою находку.

Стихийно выдвинувшийся регент взмахнул рукой.

«Аминь», – завершил ектеню клирос.

Альбом со спасительным текстом лёг на аналой.

«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...» – принялись озвучивать его певчие, стараясь держаться слышанного несколько раз напева.

В глубине натопленного храма, не так давно открывшегося после советского лихолетья, внимали службе три старушки. Четвертая, по инициативе которой храм и был открыт, стояла за свечным ящиком. Дверь отворилась, и вместе с клубами морозного воздуха впустила в помещение пятую прихожанку. В зимнем рассветном сумраке за стенами церкви кружила метель, заметая тропинку, ведущую сюда от железнодорожного полотна. Та тянулась сначала по лугу, где летом паслось деревенское стадо, затем спускалась в овраг, по дну которого бежала узенькая речка, и, словно разогнавшись, резко поднималась вверх, достигая на вершине холма недавно выбеленной церкви. Село, наполовину превратившееся в дачный посёлок, ещё спало.

«Паки и паки миром Господу помолимся», – раздался голос священника.

«Господи, помилуй», – отозвались певчие.

– Стихиры на «Господи, воззвах»... – шептал сам себе Валера. – Откуда их брать? А Дима-то где? – обратился он к остальным. – Привёл меня сюда, учить обещал и бросил.

– Значит, на электричку опоздали, – предположил Алексей причину отсутствия ещё двоих певчих.

– До полночи гостей принимают, беседы ведут, «митьки» бывшие, – ворчал Валера. – А утром вскакивают, детей растрясут и на станцию несутся. Вот что теперь делать? Глас-то сегодня какой?

– Давайте шестым, на «Царю Небесный» споём, – предложил Алексей. – Хоть не собьёмся.

«Глас шестый, – возгласил Валера. – Господи, воззвах к Тебе, услыши мя».

Хор подхватил его прошение. Боковая дверь алтаря отворилась. И из неё вышел алтарник, благообразный отрок лет тринад-

цати, и спустился с солеи на клирос. Подождав, пока хор допоёт, протянул Валере книгу, переложенную красной лентой.

– Отец Владимир прислал вам свой Октоих. Пойте, где заложено, – пояснил он и ушёл обратно в алтарь.

«Свете Тихий» и дневной прокимен пропели по аннушкиной тетрадке. Началась сугубая ектеня.

«Помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей...» – третьим прошением помолился священник.

«Господи, помилуй», – уже заучено ответил хор.

Следующего прошения из алтаря не последовало.

– Где мы? Что сейчас? – испугался Валера и схватил лежащую на клиросе тонкую брошюру с последованием службы. – Ничего не разберёшь, – подсадовал он на мелкий шрифт издания.

– Трижды, – низко донеслось из алтаря. Клирос молчал. – «Господи, помилуй» трижды, – снова пояснил батюшкин голос.

– А! – встрепенулся Валера. – Ясно.

Певчие закончили отвечать на прошения и перевернули ещё один аннушкин лист.

«Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохраниться нам...»

Пока они пели, дверь храма несколько раз скрипнула. Прихожан стало заметно больше – это прибыла со стороны Зеленограда следующая электричка.

– Нет их, – подсадовал Валера.

– Пока они с детьми полтора километра пройдут, – вступилась за молодых родителей Лена. – Подожди.

Пропели «Богородице Дево, радуйся» и «Благословлю Господа», но семейная пара так и не появилась.

– Проспали, – вынес свой приговор Валера. – Ладно, без них справимся.

– Пойду и я, отдохну, – сказал Алексей и взял с полки Часослов.

– Шестопсалмие почитаю.

Он вышел на центр храма и раскрыл книгу.

Утренняя подходила к концу.

«Всякое дыхание да хвалит Господа...» – запел хор.

Дверь храма снова захлопала – очередная электричка привезла новую партию прихожан. Да кое-кто из местных жителей

подошёл к началу Литургии. В храм вошла семейная пара. Рядом с раскрасневшимися от мороза родителями стояли двое маленьких детей-погодков. Мальчик и девочка были закутаны шарфами под самые глаза. Мама освободила их, и дети стали наслаждаться долгожданным после длинного перехода теплом.

– О, выпались, – язвительно заметил Валера.

Глава семейства радостно обвел глазами храм и послушал клирос. Вдруг его лицо омрачилось. Он оставил семью и бросился к певчим.

– А Постная Триодь где? – взволнованно спросил он. – Сегодня Неделя мытаря и фарисея.

– А мы без них служили... – смутился Валера.

Дима вынул из стеллажа книгу в сером переплёте, открыл её и показал певчим стихиры, которые надо петь.

Отобедав после долгой службы в трапезной, певчие поспешили на электричку. Взрослые шли друг за другом по узкой, отвоёванной у снега, тропинке, дети ехали верхом на них.

– А почему нам батюшка про мытаря и фарисея не сказал? – спросил Валера.

– По немощи вашей, – предположил Дима.

Корова Марта

Отец Владимир считал, что сельский батюшка должен вести такой же хозяйственный уклад жизни, как и жители села. По мере того, как он обзаводился живностью, на скотном дворе появились куры, гуси и поросята. Но он мечтал о корове, денег на которую у него не было. И корова к батюшке пришла.

Задолго до этого в одной московской семье родился мальчик, которого нарекли именем Николай. А няней у него стала раба Божия Матрона. Однажды Матрона говорит его родителям: «Ваш сын будет меня отпевать». Родители были далеки от Бога, и очень удивились, услышав эти слова. Но постепенно о них забыли.

Мальчик вырос, получил прекрасное светское образование и стал дипломатом. Он преуспевал на службе, работал в администрации президента Б.Н. Ельцина. Его ждала блестящая карьера... Но вдруг он всей душой обратился к Богу и решил стать священником. Родители пытались его отговорить, но их сын был непреклонен. Вскоре его рукоположили в иереи. Служил отец Николай в Москве, а в село Головково приезжал летом на дачу. Здесь он познакомился и подружился с отцом Владимиром.

Через некоторое время няня умерла. И сбылось её предсказание. Отец Николай отпевал Матрону в Головковском храме вместе с отцом Владимиром. Жила она праведной жизнью, а перед смертью и вовсе много лет находилась в вынужденном затворе.

Для людей, которые присутствовали на похоронах, это был удивительный благодатный опыт. Мы отпевали человека, но нас всё время не покидало ощущение праздника. Оно было совершенно не сопоставимо с мирским отношением к происходящему, но отделаться от него было невозможно. По нему становилось ясно, что отпевают праведницу.

Похоронили рабу Божию Матрону на церковном кладбище напротив алтаря. Затем отец Николай пригласил присутствующих за поминальный стол, который был накрыт в церковной трапезной. Вы спросите, причём здесь корова?

Умирая, Матрона завещала церкви, в которой её будут отпевать, некоторую сумму денег. Так её как раз хватило на покупку коровы.

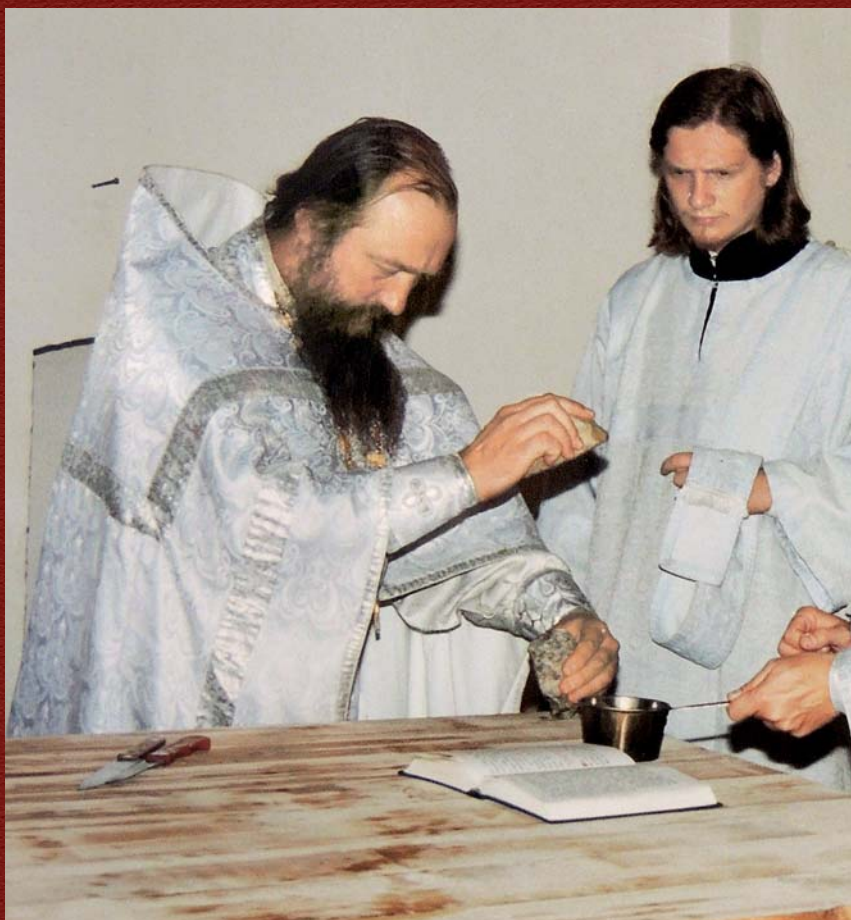

▲ Литургия в День Святой Троицы.
Иерею Владимиру сослужит иерей Николай. 1994 г.

По примеру своего духовного наставника у молодых прихожан возникало желание посвятить жизнь сугубому служению Богу. Трое из них стали священнослужителями: протоиерей **Владимир Соколов** (Храм Живоначальной Троицы в Старых Черёмушках), протоиерей **Димитрий Костин** (Храм Воскресения Словущего в с. Шипулино), протодиакон **Борис Поваров** (Храм Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве).

Посвятили себя иноческому житию: схимонахиня **Даниила** (Свято-Данилов монастырь), схимонахиня **Силуана** (Иосифо-Волоцкий монастырь), послушница **Ольга** (Иосифо-Волоцкий монастырь), инок **Антоний** (Заиконоспасский монастырь).

Многие из прихожан о. Владимира до сих пор несут послушания в храмах Москвы и Подмосковья: помогают в алтаре, поют на клиросе, украшают церкви Божии и следят за чистотой в них.

Одним из символов, присутствующих в Евангелии, является камень. С краеугольным камнем, закладываемым в основание здания, сравнивается Христос.

Апостол Павел писал: «...подражайте мне, как я Христу» (1Кор. 4, 16). Отец Владимир пытался вести своих прихожан этим путем. Он был для нас тем духовным камнем, опираясь на который, мы пытались выстраивать новую, открывшуюся нам во святом крещении, жизнь.